

Ованес Туманян Злосчастные купцы

Летучей Мыши с Чайкой вдруг
Взбрело купцами стать сам-друг.

Ведут летуньи разговор

И заключают договор.

Но вот беда: нет ни гроша, -

Ведь это срам для торгаша, -

Бегут к Шипу они, спеша.

И, вексель дав,

И подсчитав

Проценты с суммы, что он дал,

Берут изрядный капитал.

Мышь дом, как сторож, стерегла,

А Чайка деньги забрала,

Сев на корабль, среди пучин

Плывет во Мсыр, в Чинмачин,

И в Фарсистан,

И в Индостан.

Там, нагрузив судно добром,

Опять плывет морским путем,

Стремится весело в свой дом!

Вот дорогие шали тут,

Вот жемчуг, лал и изумруд,

Фисташки, финики, миндаль, -

Всего не перечесть мне, жаль...

Все, все, что приглянулось ей

Из украшений и сластей.

Но страшный шквал

На море встал.

Товары буря унесла,

И Чайка жизнь едва спасла,

Своей хранимая судьбой.
Но как вернуться ей домой?
Что кредитору ей сказать?
Как пред приятелем предстать?
Там у порога Мышь сидит,
Там на дорогу Мышь глядит,
Считает дни: когда ж, когда ж
Вернется в дом торговец наш?
Ей долго ждать
И тосковать,
И видеть сны, боясь, дрожа,
Что близко время платежа...
И вот на кровле Шип стоит,
И, с векселем в руках, кричит:
«Эй, чем вы заняты, друзья?
Забыли, как помог вам я?
Дельцы за здорово живешь,
Пора произвести платеж!
Коль вексель дали – знайте срок,
Бесстыдство, – это ль не порок!
Ведь тут грабеж средь бела дня,
Ведь это гибель для меня!
Свое же золото отдать
И не суметь обратно взять?!
Вот и попробуй тут помочь,
Просителя не выгнать прочь!»
Так Шип кричал на весь квартал,
Сердито должников ругал.
А кто слышал,
Тот повторял:
«Ай, Мышь! Ай, Чайка! Ай-ай-ай!
Не стыдно ль слышать вам? Ай-ай!..
Купцы совсем с недавних пор,

И вдруг – в делах такой позор!
Мышь с Чайкой, ай, -
Ай-ай, ай-ай!»
А Мышь летучая – внимай!
Уйти куда
Ей от стыда?
Плевалась, плакала, кляла:
«Ах, Чайка, чтоб ты померла!
Чтоб ты истлела под землей!
Ну, что ты сделала со мной?
Ведь ты меня, ох, как срамишь!...»
И вновь, и вновь просила Мышь:
Шип, не сердись,
Не торопись.
Ты долго ждал. Подожди чуть-чуть.
Вчера пришло письмо, что в путь
Пустилась Чайка. Ну, вот-вот
С тобой произведем расчет,
Кой-что накинem сверх того...»
«Ну, нет, не нужно ничего,
Возьму лишь то, что я вам дал,
Я и проценты подсчитал.
Назначали вы сами срок, -
Прошу платить, коль он истек,
А лишнее нейдет мне впрок...»
«Нет, господин,
Расчет один:
Сполна все выплатим тебе.
Проценты сами по себе -
И благодарность будет тож,
Поверь... Ведь люди мы... Не ложь...
Ведь надо бога позабыть,
Чтоб так нечестно поступить».

Бедняжка – так, бедняжка – сяк...

Не оправдаться ей никак!

И кредитору наврала,

Приятельницу всё ждала.

Коварной Чайки нет как нет.

«Что за напасть! Не мил мне свет!

Ведь вот несчастье, вот беда,

Я осквернилась навсегда:

Не вылезть мне, как из огня,

Из долга. Кто спасет меня?

Что мне сказать?

Чего мне ждать?»

Пришлось по дому все собрать

И все до ниточки отдать.

А что за толк? -

Остался долг.

Ну, тут уж стало ей невмочь

На крыльях улетела прочь,

Исчезла, сгинула, чтоб ей -

Банкроту, ставшей всех бедней, -

Уж не являться на позор

Пред кредитора грозный взор.

С тех пор, гонимая стыдом,

Она уж не летает днем.

Когда ночная ляжет тишь,

Тогда летает наша Мышь, -

Во тьме укрыться легче ей

От кредитора и друзей.

А Чайка... ах,

Кричит в волнах,

То вдруг нырнет,

То вновь всплывет,

Вся трепеща

И все ища:
Вдруг в глуби вод
Товар найдет!
А Шип с обиды и тоски
Все точит злобно коготки,
И если мимо кто идет -
Его за полы он берет,
Крича: «Эй, ты не видел, слышь,
Бесстыдниц – Чайку или Мышь?»
...Те дни прошли. Проходят дни.
А все не встретились они.